

Т. Г. Рабенко¹

ВИЗАНТИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (На материале проповедей XI–XII вв.)

В настоящее время представителями различных отраслей науки активно разрабатывается широкий спектр тем по проблеме диалога культур. В их числе — вопрос о религиозно-эстетической, а также жанрово-стилевой соотносительности византийской и древнерусской духовной литературы, о степени влияния сложившейся в Византии восточно-христианской цивилизации на литературу славян. Изучение данного вопроса, рассматриваемого в общекультурном контексте художественно-эстетических взаимоотношений Византии и Руси, необходимо для уяснения многих процессов и явлений, происходивших как в самой Византии, так и в сопредельных с нею странах.

Созданная в Византийской империи уникальная по своему богатству христианская культура, безусловно, оказала глубокое воздействие на страны средневековой Европы, в том числе и на Древнюю Русь. К моменту вокняжения Владимира Русь — могущественное государство, характеризующееся развитым феодализмом, государство, которое по территории превосходит даже Византийскую империю. Князь Владимир осознал необходимость приобщения своего народа и государства к одной из великих религий, которые к тому времени были приняты соседями Руси (ислам у волжских булгар, иудаизм у хазар, христианство в Польше). Летописное предание об избрании князем Владимиром «греческой веры» в образной форме свидетельствует о том, что на Руси оценили высочайший уровень развития духовной и эстетической культуры, достигнутый в Византии, которая находилась в конце X века на вершине политического и культурного развития².

¹ Доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета, кандидат филологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Параметрические основания лингвистической типологии», «Литературная разговорная речь и ее своеобразие», «Областной словарь Кузбасса» (в соавт.), «Основные духовные ценности православия в древнерусской гомилетике», «Роль религиозной проповеди в духовном возрождении российского общества (на материале древнерусских проповедей XI–XII вв.)», «Клятва как фидеистический речевой жанр», «Утешение: речевые тактики жанра», «Извинение: речевые тактики жанра и средства их языковой реализации», «Благодарность в культуре речевого общения», «Языковые средства реализации речевого жанра угрозы» (в соавт.) и др.

² Кузенков П. В. Византия и Русь // Православная энциклопедия. М., 2004. С. 223; Чекалова А. А., Чичуров И. С. Византийская империя // Там же. С. 125–126.

В силу своего самостоятельного и независимого социально-экономического положения Русь принимает новую религию на началах самостоятельной, равной всем остальным церкви, приобщается к христианству, не подпадая первоначально ни под какую политическую или идеологическую зависимость. «Христианство было своеобразно усвоено русскими, — пишет академик Б. Д. Греков³, — как и все, что так или иначе попадало извне к русскому народу». Христианство на Руси, «заимствованное от греков и в то же время не отмежеванное полностью от Запада, оказалось в конечном счете не византийским и не римским, а русским».

Примечательно, что после крещения Руси эволюция русско-византийских отношений шла по пути перехода от военно-политических, дипломатических и экономических столкновений и союзов к преимущественно церковным связям и культурному взаимодействию. Эта особая близость Руси и Византии была во многом обусловлена осознанием общности православной духовной культуры, в течение веков служившей связующим звеном между этими странами. Принятие христианства из Константинополя рассматривалось Византией как вхождение древнерусского народа в состав Вселенской православной церкви и вовлечение его в сообщество христианских государств во главе с империей. Однако подобные представления вовсе не означали реального политического подчинения Руси Византии⁴.

Распространение христианской веры на Руси и провозглашение обновленной системы ценностей, безусловно, связаны с развитием проповеднической деятельности. Первые образцы древнерусской практической риторики появляются в X–XII веках, когда на Руси закладываются основы церковного красноречия. Установлено, что на заре христианства древнерусская проповедь находилась в прямой зависимости от проповеди греков и болгар, а также от греко-византийской и болгарской духовной традиции, что объясняется самими обстоятельствами принятия христианства: близостью территорий, сложившимися политическими, культурными и религиозными связями. Но овладение данными традициями произошло так быстро, что это дает

³ Греков Б. Д. Киевская Русь. Л., 1953. С. 392.

⁴ Кузенков П. В. Указ. соч. С. 223.

основание говорить как бы об отсутствии «периода ученичества»¹.

Обращение Руси к христианству совпало с возникновением славянской письменности. Древнерусская книжность с самого начала оказалась фактически тождественной с общеславянской церковной литературой, основанной на переводах с греческого языка на «словенское письмо». Среди переписываемых и переводимых текстов на Руси преобладали книги Священного Писания и богослужебные книги. Одновременно с ними начинают переводиться творения святых отцов, в том числе и гомилетические творения. Сочинения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Назианзина, Афанасия Александрийского, Ефрема Сирина, Нила Синайского и других бытовали на Руси в виде энциклопедических, четких сборников: Святославов «Изборник» 1073 года (переведенный с греческого на древнеславянский язык в конце IX — начале X в.), «Изборник» 1076 года, «Златоструй» (составленный в Болгарии при царе Симеоне и, возможно, при его участии), «Измарагд», «Торжественник», «Златоуст», «Златая чепь», Миней четъи, «Шестоднев» (цикл проповедей о сотворении мира в переводе Иоанна Экзарха Болгарского), «Паренесис» («Увещание» — свод наставлений для новокрещенных) и др. Творения святых отцов сыграли важную роль в формировании этических принципов новообращенного населения Руси и в освоении его сознанием основ христианской догматики. С XI века Киевская Русь становится центром славянского мира, главным ареалом общеславянской переводной деятельности.

Древнерусская проповедь дала значительные по содержанию и самобытные по национальному колориту произведения: «Слово о Законе и Благодати» Илариона, митрополита Киевского, дидактические «слова» преподобного Феодосия, игумена Киево-Печерского, митрополита Никифора и новгородского епископа Луки Жидята, шедевры торжественного красноречия святителя Кирилла, епископа Туровского. Древнерусские проповедники свободно владели всем многообразием приемов, выработанных святоотеческой проповедью и развитых классическим торжественным красноречием Византии. Яркий образный язык проповедей того времени, их удивительная глубина и актуальность мысли обеспечили им долгую жизнь в русской культуре.

Творения древнерусских проповедников необходимо рассматривать в контексте конкретно-исторической обстановки, поскольку они выражали политические идеи и тенденции своего времени. Естественно, что важнейшей проблемой широкого политического значения того времени было приобщение русского народа к христианству. Сочинения древнерусских проповедников, демонстрируя некоторое умиление перед фактом приобщения русичей к «истинному источнику благодатной веры» — византийскому православию, тем не менее одухотворены идеей борьбы за политическую и церковную самостоятельность, доказательством равноправия Руси и Византии, поскольку конкретно-историческая обстановка, в которой происходило введение христианства на Руси, — это проти-

¹ Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1987. С. 7.

воборство двух государственных систем: византийской и русской, двух миров: христианского («ромейского») и языческого («варварского»)².

Идея равноправия всех народов, противостоящая теориям вселенской империи и вселенской церкви, — основная идея «Слова о Законе и Благодати» Илариона. Иларион своим сочинением «прославляет русский народ среди народов всего мира и резко полемизирует с учением об исключительном праве на вселенское господство нового Рима — Византии»³. «Византийской теории вселенской церкви и вселенской империи, — пишет Д. С. Лихачев⁴, — Иларион противопоставил свое учение о равноправности всех народов, свою теорию всемирной истории, как постепенного и равноправного приобщения всех народов к культуре христианства». «Иларион как бы противопоставляет обанкротившемуся античному миру новый мир, представленный народами, которых греки высокомерно третировали как “варваров”». Будучи христианами, греки «чинят насилие другим христианам». Они не делятся приобретенной «благодатью» с другими народами, а с «иудейской завистью» своекорыстно стремятся удерживать ее только для себя. Поэтому греки недостойны благодати и истины, которым «лепо» было воссиять над «новыми людьми», ибо не вливают новое вино в ветхие мехи, которые могут порваться, но для нового учения нужны новые мехи, новые народы⁵.

Русский митрополит сравнивает Владимира с самим великим Константином, первым императором, узаконившим христианство в Римской империи, и называет их равноумными и равнохристолюбивыми. Если вселенские церкви гордятся своим первым христианским императором, то и русская церковь должна воспевать «крестителя Руси» князя Владимира. Для древнерусских и в целом славянских книжников это произведение послужило источником многочисленных подражаний, образцом высокого изложения мыслей, что определило его популярность не только на Руси, но и в южнославянских странах. Оригинальные памятники красноречия Древней Руси в XII–XIII веках проникают в южнославянские страны, служат примером для многочисленных подражаний («Слово», возникшее под влиянием византийских авторов, оказало особое влияние на сербские жития святых Симеона и Саввы, написанные афонским монахом Доментианом) на Афоне (в целом известно более 50 списков «Слова»). Таким образом, творчески воспринимая византийский опыт из самой Византии и через посредство соседних славянских государств, Киевская Русь сама начинает транслировать его на окружающий мир.

Русский народ, долгое время игравший в диалоге культур роль «принимающей» стороны, после усвоения богатого византийского наследия сам стал носителем и хранителем традиций православия. По мнению Б. А. Успенского, русичи, получив византийскую систему ценностей в готовом виде, восприняли лишь ее

² Дулман Е. К., Глушак А. С. Введение христианства на Руси: легенды, события, факты. М., 1988.

³ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947. С. 52.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Будовиц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 71.

внешнюю оболочку, форму, ритуал, наполнив их новым содержанием и новыми смыслами¹. «Россия всегда была эксплицитно ориентирована на чужую культуру. Сперва это была ориентация на Византию. ... ценности задаются извне, и это с необходимостью предполагает сознательное усвоение чужих культурных моделей и концептуальных схем». Однако есть мнение², что в данном случае речь не может идти о диалоге культур, поскольку долгое время Русь была «принимающей» стороной, не имея возможности предложить византийцам нечто равноценное, равно как и о предложенной Д. С. Лихачевым идее «трансплантации» основ византийской культурной традиции на русскую почву. Тем не менее красноречие Древней Руси восприняло высокие традиции ораторского искусства Античности, Византии, где существовала целостная и стройная система ораторских жанров. Киевская Русь явилась наследницей греко-славянской культуры. Оставаясь в русле византийско-славянского учительства, древнерусское красноречие творчески осмыслило полученное наследие.

Древнерусские проповедники дают образцы тонкого, глубокого усвоения и переосмысления на славянской почве основных идей византийского христианского миропонимания и наполняют конкретным содержанием христианские формулы основных нравственных законов. Так, нравственный девиз любви к ближнему, с особым воодушевлением воспринятый на Руси и по патристической традиции основанный на любви Бога к людям, звучит как восхваление братской взаимопомощи, призыв к прекращению взаимной вражды: «*Брату ямы не рой, чтобы не вверг тебя Бог в еще большую!*

Процайте брат брату и всякому человеку и не воздайте зла за зло». Только всепрощающая и всепобеждающая любовь должна безраздельно господствовать в сердце человека — это свидетельство его высочайшей праведности. Неслучайно высшая божественная заповедь — заповедь любви, которая провозглашается Иисусом Христом в ответ на обращенный к нему одним из фарисеев вопрос о высшем законе человеческой жизни: «*Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: "Возлюби ближнего твоего, как самого себя"*» (Мф. 22: 37–39).

Таким образом, в христианской заповеди любовь к Богу и любовь к ближнему даны в единстве: «*Любовь имейте ко всякому человеку, а более всего — к близким; и пусть не будет у вас иного на сердце, а другого на устах!*» (Лука Жидята «Поучение к братии»). Нравственный императив действенного служения, любви к ближнему является важнейшей чертой, отражающей суть русского христианского идеала.

Однако ко времени появления на Руси литературных произведений Византии и Болгарии на русской территории уже было развито искусство устной речи. «Сама русская почва, — пишет Д. С. Лихачев³, — была хорошо подготовлена для создания искусства слова. "Дарам волхвов" из далеких стран предшествовали "дары своих пастухов" — представителей неученой мудрости народа». В итоге церковное красноречие Древней Руси явилось своеобразным синтезом русского народного красноречия и зрелых традиций восточного христианского проповедничества.

¹ Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 5–7.

² Пенская Т. М. Крещение Руси, византийская культурная традиция и становление древнерусской культуры // VI Приморские образовательные чтения памяти святых Кирилла и Мефодия. Владивосток, 2007. С. 11.

³ Лихачев Д. С. Величие древней литературы // Памятники литературы Древней Руси: XI–XII вв. М., 1978. С. 388–393.